

Проф. Б. Э. Петри.

СИБИРСКИЙ НЕОЛИТ

ИРКУТСК
1926

Гублит № 898.
Типография
издательства
„Власть Труда“.
— Иркутск —
1926.
Зак. 5082. Тир. 250.

Сибирский неолит.

При обзоре сибирского палеолита ¹⁾ мне пришлось дать описание находок, расположив их в географическом порядке, к этому я был вынужден как их небольшим числом, так и их недостаточной исследованностью, а также неразработанностью вопроса о сибирском палеолите.

Зато находками неолитического периода Сибирь чрезвычайно богата, и это богатство позволяет восстановить достаточно полно отдельные стадии эволюции человеческой культуры в течении второй фазы каменного века севера Азии. К Западной Европе с ее точно выработанной классификацией придется обратиться только для проведения параллелей, когда мы сделаем попытку наложить шкалу, составленную для Сибири, на таковую, выработанную для запада.

Переходя к сибирскому неолиту, мы прежде всего должны отметить, что его отложения встречаются исключительно в слоях современной нам геологической эпохи, тогда как последние отложения палеолита совпадают с окончанием четвертичной эпохи. Точно также и жизненные условия значительно приблизились к нашим—климат, флора и фауна являются почти такими же, какие мы наблюдаем сейчас под теми же широтами. Мы должны себе представить процесс заростания прежних холодных степей дремучей тайгой и миграцию прежних степных и полярных животных частью на север, частью на юг, а частью на гольцы в область высокогорной тундры.

Исчезли прежние промысловые звери. Это вызвало крупную перемену в жизни древнего насельника Сибири: он из бродячего охотника сделался по преимуществу оседлым рыбаком. Все места его поселений (стоянки) расположены по берегам рек или крупных водоемов. Для поселения им выбирался отлогий берег—место удобное для неводьбы (эти места и по сей час являются излюбленными местами рыбаков), где бы были на лицо все условия для обильного улова и удобного вывола-

¹⁾ Петри Б. Э. Сибирский палеолит. Оттиск из Трудов Государственного Иркутского Университета, т. V, 1923 г. Настоящий очерк является II частью моего труда «Доисторическая Сибирь».

кивания невода на берег. И действительно почти все крупные водоемы средней и южной полосы Сибири хранят неизменно на своих берегах остатки неолитической индустрии.

Сопоставляя результаты находок в разных местах, с несомненностью убеждаешься, что по неолиту в Сибири сделано уже настолько много, что является возможным не только подвести итоги выполненной работы, но и произвести некоторые обобщения. Несомненно также, что Сибирь должна распасться на несколько неолитических провинций, но культура последних в пределах основных этапов должна быть аналогичной. Поэтому для начала наиболее целесообразным является детальное изучение культуры одной из сибирских неолитических провинций, с тем, чтобы, установив на ее материале отдельные моменты развития культуры, эту выработанную шкалу применить при изучении других провинций.

Конечно, в основу изучения надо положить культуру наиболее исследованной области. Такой наиболее разработанной и изученной является культура Байкальской области, в которую я включаю как берега самого Байкала, так и бассейны всех рек, в него впадающих, а равно и бассейны Ангары и Верхней Лены. Из всех стоянок этой культурной области наиболее показательной является стоянка Улан-Хада, открытая мною в 1912 г. и раскопанная в 1913 г. Эта стоянка представляет выдающийся интерес как по предметам, найденным на ней, так, главным образом, по характеру их залегания.

Стоянка Улан-Хада расположена на берегу небольшой бухточки залива Мухор, который издавна славится у бурят обилием рыбы. Вероятно, рыба и привлекла сюда первобытных насельников Байкала, избравших местом своего обитания берег песчаной бухточки, которая защищена высокими скалами от ветров, дующих с юга, запада и востока. Только со стороны залива бухточка широко открыта для действия северного ветра, который в течение долгого времени наносил в нее песок с озера и тем увеличивал песчаное пространство берега. Этот песок не имел возможности двигаться дюнами в глубь страны, т. к. скалы парализовали действие ветра, вследствие чего он расположился горизонтальными слоями, слегка наклоненными в сторону водоема. В этих слоях оказались погребенными остатки неолитической индустрии. Песок, поступая с озера и погребая в себе предметы индустрии, расположил их в своих слоях в строго хронологическом порядке и предохранил их от перемешивания. Предметы лежат в слоях песка так, как они были оставлены их обладателями. Особенно поражают сложенные из камней очаги, на которых попадаются иногда разбитые горшки, черепки каждого из таких горшков расположены обыкновенно кучкой, дно часто лежит в ее середине.

Культурные слои переходят один в другой постепенно без всяких перерывов и промежуточных пустых слоев. Отсутствие последних указывает на непрерывность заселения, т. е. не было периодов, когда стойбище покидалось на продолжительный срок. Поэтому при разбивке всей толщи на слои пришлось руководиться их геологическим строением, приняв за критерий: I—цвет, зависящий от большего или меньшего содержания угольной пыли и золы, II—плотность и вязкость, зависящие от количества органических остатков и III—количество гравия, щебня и углей.

Всех слоев оказалось одиннадцать; большинство из них было в 25 см. толщины, некоторые по 30 см., а один—третий—в 20 см. Вся толщина слоев образует пласт мощностью в 2 м. 95 см.; сверху этот пласт прикрыт слоем песка в 90 см., не содержащим никаких культурных остатков.

Песок, в котором погребены предметы индустрии насельников Улан-Хада, является очень ненадежным консервирующим материалом и поэтому до нас дошли только предметы, сделанные из камня и глины. Вся деревянная и костяная культура, которая играет такую значительную роль в жизни первобытного человека, погибла бесследно. Зато мы имеем прекрасно сохранившиеся образчики костяной индустрии из могильников, раскопанных М. П. Овчинниковым и Н. И. Витковским, а также из случайной находки у села Распутина. Эти предметы прекрасно дополняют инвентарь находок из кремня и других пород камня со стоянки Улан-Хада. Кроме индустрии с перечисленных стоянок и погребений и литературных источников мною для составления настоящего очерка использованы коллекции кабинета Археологии и Этнографии Иркутского Государственного Университета, преимущественно результаты моих раскопок в бухте Песчаная на Байкале и в местности Царь-Девица на берегу Ангары, а также богатые коллекции Иркутского Научного Музея, собранные в Прибайкалье М. П. Овчинниковым и рядом других лиц.

I. Материальная культура.

Каменная индустрия.

При общем взгляде на каменную индустрию наблюдателя поражает миниатюрность многих изделий, особенно стрел и скребков и тщательность и совершенство ретуши. Эти две черты являются характерными для всего сибирского неолита.

Из пород камня, служившего материалом для орудий, следует отметить на первом месте кремень, из которого сделано большинство орудий, хотя качеством и обилием кремня Сибирь не отличается. Мастерам неолитического периода приходилось

употреблять преимущественно окременелые сланцы. Кремьнь иногда заменялся халцедоном, но этот последний довольно редок и $\frac{0}{100}$ орудий из него незначителен. Недостаток кремня пополнялся главным образом кварцитом, который в силу своего кристаллического строения не давал возможности выделять такие геометрически правильные формы, как кремьнь. Тем не менее, изделия из кварцита весьма многочисленны (количество их стоит на втором месте после кремня) и отличаются тщательностью ретуши. На последнем месте стоят изделия из слюдястого сланца—материала, значительно уступающего предыдущим в прочности. Прекрасные орудия выделялись из нефрита—материала, отличающегося большой сопротивляемостью ударам и хорошо поддающегося шлифованию. Крупные орудия делались из гранита, гнейса, диорита, филлита, кремнистых сланцев, окварцованных и глинистых песчаников, окременелых известняков, известняков, переходящих в афит, и других плотных пород.

Перейдем теперь к рассмотрению кремневой индустрии первобытных насельников неолита Байкальской области.

Наконечники стрел.

Гениальное изобретение—лук и стрелы—было сделано в течении неолитического периода. До нас дошли только чрезвычайно разнообразные наконечники стрел. Основным и самым распространенным является наконечник стрелы треугольного вида со слегка вогнутым основанием; размеры его незначительны (2,2 см. длины при 1,2 см. ширины). От этого типа путем удлинения линии кривизны вогнутости основания получают наконечники с хорошо развитыми жальцами. Если жальца прогрессируют, то они достигают значительного размера—до $\frac{1}{4}$ длины тела наконечника. Иногда жальца развиты неравномерно, и одно жальце значительно превосходит другое. У некоторых наконечников база имеет тенденцию выпрямлять линию кривизны изгиба, и тогда наконечник принимает вид равнобедренного треугольника, иногда даже равностороннего. Переходя от прямой линии к линии выпуклой, база придает наконечникам форму лавролистную и при очень значительной выпуклости даже ромбоидальную; нижняя, обыкновенно меньшая, половина ромбоидального наконечника служит насадом. Этот насад в некоторых видах принимает суженную форму и тогда уже является специально сделанным насадом; остающиеся по бокам от насада выступы приобретают характер жалец, иногда очень отчетливо выраженных.

Основной тип наконечника стрелы путем удлинения дает другой вид наконечников узко-ланцетовидной формы, среди которых встречаются очень тонкие и длинные экземпляры, достигающие до 4,9 см. длины при базе в 0,95 см. Этот же тип наконечников образует путем постепенного утолщения новый тип толстых стрел узко лавролистной формы. Иногда этот тип

имеет четыре грани. Если грани резко выражены, то наконечник принимает четырехгранную штыковидную форму. Особый тип образуют чрезвычайно мелкие наконечники стрел.

Наконечники стрел из халцедона ничем не отличаются от таковых из кремня, а из кварцита повторяют все виды наконечников из кремня, но сделаны они гораздо хуже, и форма их далека от идеальной геометрической правильности кремневых наконечников, что, конечно, следует приписать неблагодарности материала.

Наконечники копий. Наконечники копий можно разбить на следующие типы: 1—большие, плоские, лавролистные, расширенные у своей середины или у базы; 2—наконечники треугольной формы, 3—наконечники узко-стилетовидные, 4—наконечники с насадом. Материалом для них служит кремень или кварц.

Скребки. Не меньше разновидностей, чем стрелы, образуют скребки; они отличаются друг от друга как по своим формам, так и по размерам. Подробную классификацию их желающий может найти в работе Б. Э. Петри «Неолитические находки на берегу Байкала».

Навертыши и шилья. Инструменты для прокалыванья встречаются трех видов: 1—навертыши, сделанные из кремневых желваков, с толстым телом и узким шиловидным острием; 2—шилья, сделанные из толстых ножевидных пластинок, тщательно отретушированных так, что образуется узкое трехгранное шило с утолщением на тупом конце, могущим служить для держания непосредственно в руке или же для вставления в рукоятку; 3—шилья, представляющие собой мелкие ножевидные пластинки с отретушированными на одном конце остриями.

Ножи (ножевидные пластинки). Ножи встречаются самых разнообразных размеров, начиная от крупных и толстых в 8 см. длины и кончая мелкими в 2 см. длины. Многие ножи обладают тщательно ретушированными режущими лезвиями. У большинства ножей лезвие не ретушировано и сильно зазубрено, совершенно как у ножа, бывшего долго в употреблении. Зазубрины указывают на то, что при помощи этих ножей производилась работа. Многочисленность же ножей позволяет утверждать, что это было одно из необходимейших орудий. Помимо своего прямого назначения ножи служили также и материалом, из которого выделялись мелкие кремневые предметы—пилки, наконечники стрел, шилья и скребки.

Ядрища. Ядрища встречаются трех видов. Первый—ядрища конические. Они служили для производства ножей. Т. к. кремневые ножи, благодаря сравнительной мягкости материала, должны были быстро тупиться, то неолитику приходи-

лось выделывать все новые и новые ножи, что при быстроте их отжимания, конечно, было совсем не трудно. Это обстоятельство с одной стороны объясняет громадное количество пригупленных ножей, находимых на каждой стоянке, а с другой заставляет предполагать, что первобытный человек должен был иметь при себе постоянно ядрища, чтобы в любой момент получить нужный ему нож. Когда ядрище от постоянного отщепления ножевидных пластинок уменьшалось настолько, что не давало больше достаточно длинных ножей, его выбрасывали. Второй вид ядрищ-это ядрища с остреем. Они, я полагаю, служили остреями для сверл с лучками. Такие сверла с подобными каменными остреями встречаются и по сей час у народов Океании. Третий вид ядрищ представляют собой особые орудия названные мною «скребки-ядрища». Одна сторона этого орудия имеет грани, как и всякое ядрище, другая же тщательно ретуширована и превращена в какое-то подобие долота или скребка; база орудия плоская, и оно может хорошо вертикально стоять. Эти же самые предметы в весьма большом количестве найдены и в сибирском палеолите на Ангаре и на Енисее; они намечают некоторую преемственность между палеолитом и неолитом Сибири. Назначение этих ядрищ, я полагаю, было следующее: от них отщеплялись те многочисленные и острые шилья, которые мы имеем в изобилии со всех стоянок как неолита, так и позднего палеолита. Ядрища-скребки имеют на своей ограненной поверхности легкую кривизну: кроме того, они конусовидно приостряются к верху. Благодаря этому, когда при нажиме на базу, где мы неизменно имеем ямки от «ударных бугорков», от такого ядрища отделялась пластинка, она приобретала превосходное острие на верхнем конце и дугообразный изгиб у середины. В целом такая пластинка напоминает современное сапожное шило.

Пилы. Пилы встречаются в неолите Байкальской области разных калибров—миниатюрные, средней величины и достаточно крупные (от 3 до 13 см.); сделаны они из кремня или из кварцита. Мелкие пилки тонки и слабы—они могли употребляться только для тонкой работы, зато крупными можно свободно пилить палки и доски.

Рыболовные принадлежности. Из рыболовных принадлежностей мы имеем грузила двоякого рода: I—в виде каменного шара с желобком посреди и II—в виде естественной плоской гальки, у которой два конца отбиты в виде выемок. И те и другие нам подтверждают предположение о существовании неводов в неолитический период. Кроме того, найдено и большое количество каменных крючков для удочек, состоящих из двух связывающихся стерженьков из слюдистого сланца. Костяные крючки будут описаны ниже.

Крупные орудия. Весьма значительную роль в жизни неолитического человека в Сибири играли крупные орудия. Сюда относятся разнообразные долота в виде узких стамесок, широких долот с прямым лезвием, долот с вогнутым лезвием, топоров в виде клиньев и топоров с ушками. Эти орудия должны были прикрепляться к рукояткам-топорищам из дерева при помощи плетения из растительных волокон, шнурков или ремней. Разнообразнейшие способы укрепления подобных орудий мы можем видеть у современных первобытных народов, еще поныне живущих в неолитическом периоде или недавно вышедших из него.

Главное назначение крупных орудий—работы по дереву и производство челноков, выдолбленных из целых стволов деревьев. Хотя в Сибири еще не найдены неолитические челноки, но зато мы имеем несколько подобных находок, сделанных в Европейской России и Западной Европе; расположение же сибирских стоянок дает нам право думать, что сибирские аборигены в отношении искусства плавать по воде не должны были отставать от своих западных собратьев.

Быть может, некоторые топоры имели охотничье или боевое назначение—их чрезмерно удлиненная форма делает их неудобными в применении к работам по дереву. К боевым орудиям относятся и набалдашники палиц округло-шарообразные или округло-плоские каменные орудия с конической сверлиной посреди. Такие набалдашники, надетые на соответствующую рукоятку, служили смертоносным орудием в борьбе с врагом и диким зверем. У современных насельников Океании мы можем видеть самые разнообразные палицы этого типа.

Характерной особенностью сибирского неолита является отсутствие просверленных топоров и топоров-молотов, какие мы в изобилии встречаем в Европейской России и Западной Европе. Это отсутствие тем более трудно объяснимо, что сверление было хорошо известно неолитическому человеку Сибири. Правда, его дыра представляет собой два сошедшиеся вершинами конуса; на западе же сверловка цилиндрическая, т. е. дыра с одним и тем же диаметром во всех местах; но коническая с тем же успехом могла применяться и при производстве просверленных топоров, как и цилиндрическая.

Крупные орудия делались из кремня, нефрита или какой-либо крупно-кристаллической породы. Для орудий из кристаллического материала употреблялись особые песты-отбойники, которыми предварительно оббивалось орудие, а затем уже отшлифовывалось работающее лезвие на особых шлифовальных камнях.

Шлифовальные камни находятся всегда в большом количестве на стоянках, они значительно варьируют по формам и

размерам в зависимости от того, для какой работы они предназначались; на них ясно видны полировальные поверхности, борозды и шрамы, происшедшие от трения о них шлифуемых предметов. По аналогии с современными австралийцами мы должны допустить применение шлифовальных камней из песчаника и для работ по дереву, а также при производстве костяных орудий. Тонкостью зерна и аккуратностью форм отличаются камни для выделки костяных игл.

От шлифовальных камней и пестов следует отличать каменные доски (ступки) с каменными к ним пестами, служившие для растирания зерен и корней; в большом количестве встречаются на стоянках плоские каменные плиты круглые или овальные (от 25 до 40 см. в диаметре), служившие, я полагаю, для очистки рыбы от чешуи.

Нефрит. Особым изяществом отличаются топоры из нефрита, как впрочем и все изделия из этого красивого темнозеленого или беловатого камня. Нефрит найден сейчас во многих местах Сибири. Несомненно неолитическому человеку было известно значительно большее число его местонахождений, чем нам; поэтому нет надобности для Сибири предполагать импортирование нефрита из других стран.

Нефрит начал применяться в Сибири к концу неолитического периода. Он отличается двумя весьма ценными свойствами—большой сопротивляемостью удару и податливостью шлифовке, благодаря чему дает возможность вышлифовывать из себя не только геометрически правильные топоры, но и тонкие кольца, браслеты и всевозможные привески. Топоры не раскалываются от ударов подобно топорам из других пород, но зато и техника их производства значительно сложнее. Прежде всего неолитическому человеку приходилось не отбивать, как он это делал с другими породами, от общей глыбы, а отпиливать при помощи пил из шифера. Такие пилы, а равно и начатые распиловкой глыбы хранятся в Иркутском Научном Музее, куда они доставлены М. П. Овчинниковым с берегов Ангары. Только получив отпиленную пластинку нефрита, первобытный человек мог приступить к ее шлифованию на точильных камнях. Иногда применялись и естественные обломки нефрита, которые более или менее соответствовали по форме предположенному типу орудий. В первом случае пластины отпиливались такой величины и формы, какой предполагался будущий топор; оставалось только отшлифовать лезвие. Во втором случае сначала сошлифовывались бугры и излишние части материала; углубления так и оставались естественными ямами на готовом орудии. Орудие обычно много раз подправлялось и подтачивалось в процессе его применения, размер его уменьшался и в конце концов получался небольшой изящно отшлифованный топорик. Очень полной коллекцией топоров в разных стадиях обработки и приме-

нения располагает кабинет археологии и этнографии Иркутского Университета. Нефритовые топоры различны как по своим размерам, так и по формам. Мы имеем красивые плоские топоры теслообразного характера (толщина 6 мм.) трапецевидной формы (5 см.+7 см.×25 см.), грубые клинья толщиной в 2,5 см., длиной в 38 см. при ширине 9,5 см. и изящные маленькие топорики в виде трапеций или клиньев (5,5 см.×3,8 см.). Разнообразны также и долота. Некоторые из них имеют вид современной стамески (2 см. × 10 см.), другие более похожи на большие долота. Надо отдать должное всем нефритовым изделиям сибирского неолита—они поражают наблюдателя изяществом форм, законченностью и тщательностью техники искусства шлифования.

Петри Б. Э. Неолитические находки на Байкале. Сборник Музея Антропологии и этнографии т. III. Изд. Академии Наук. 1916 года.

Петри Б. Э. Археология. Путеводитель по музею Антропологии и Этнографии Академии Наук. П. 1916 г.

Флоринский В. Археологический музей Томского Университета. Томск, 1888 г.

Поляков И. С. Отчет о поездке в Восточный Саян, гл. III, стр. 137—143. Отчет о действиях Сибирского отдела Р.Г.О. за 1868 г.

Ермолаев А. К археологии окрестностей г. Канска, Сибирский Архив, 1912 г., № 4, стр. 237—243.

Кузнецов А. Археологические изыскания в ю.-в. части Забайкалья. Изв. Вост.-Сиб. Отд. Р.Г.О. т. XXIV, № 2, стр. 1—12.

Савенков И. Т. Каменный век в Минусинском крае. Москва. 1897 г.

К е р а м и к а.

Керамика для всех времен и народов была одним из важных характеризующих элементов. В великолепной керамике из Средней Азии мы можем также найти отражение духа народа, создавшего ее, его исканий в области прекрасного, религии и даже истории, как это мы находим в севрском и майсенском фарфоре. Ряд характернейших черт китайской культуры отразился также отчетливо на китайском фарфоре, как японская культура запечатлелась на японской керамике. Если позволено будет выразиться образно, керамика—это зеркало культуры. Исторические события, иноземные влияния, религиозные идеи, развитие роскоши, переходы народа к практицизму, новые веяния и моды—все проводит свой штрих на керамике, так или иначе отражается на ней.

Если в наш век крупнейших завоеваний техники и всевозможных достижений цивилизации керамика все же может служить элементом для характеристики той или иной культуры, то тем большее значение она имеет при изучении доисторических эпох, когда она не являлась чем-то малым в бесконечной цепи крупных явлений, а сама была великим достижением в области борьбы за существование.

Изучение доисторической керамики может дать очень много ценного также и для характеристики небольших культурных провинций. Поскольку при работе по камню художественные и творческие силы человека связаны материалом и целью, которые всюду в одни и те же эпохи общи, постольку эти силы могут свободно и индивидуально проявляться на таком благодарном материале, как глина. Кстати отмечу, что наиболее любовно и изящно украшенными являются сосуды неолитического периода; чем далее, тем заметнее делается регресс в этой отрасли человеческой индустрии, что можно объяснить переносом стремления украшать на новые более прочные материалы—металлы—и отходом керамики с момента появления металлических котлов из разряда предметов первостепенной важности (варка пищи) в разряд второстепенный (сохранение пищи). Эта особенность керамики в связи с фактом коллективного творчества в области искусства у первобытных народов придает керамике особенное значение для характеристики какой-либо местной культуры. Несомненно, что форма глиняных сосудов, типы орнаментации керамики, технические приемы, применяемые при выделке, обжиг и наконец примеси к глине помогут установить более детальную этнологическую и хронологическую группировку неолитического периода.

До окончательного изучения сибирской неолитической керамики и установления характерных ее особенностей для различных провинций еще очень далеко. Не достает еще полных и систематически собранных коллекций, добытых не путем собирания подъемного материала, а путем научно поставленных раскопок чистых культур.

Настоящий отдел является попыткой исследования техники производства сибирской неолитической глиняной посуды и одним из результатов моей четырнадцатилетней работы по изучению неолитической культуры Сибири. Начало было положено в 1912 году на стоянке Улан-Хада на Байкале, где 11 культурных слоев налегают один на другом, образуя ряд постепенных переходов, начиная от докерамического периода и кончая переходом к бронзовой культуре.

Этот до-керамический период прекрасно отмечен в слоях стоянки Улан-Хада, равно, как и вся эволюция керамики, начиная от ее начальных стадий и до перехода к бронзовому периоду.

Нижний (XI) слой не содержит совершенно керамики (до-керамический период). В следующем X слое появляется керамика, но исключительно со следами плетения. В вышележащем слое (IX) к керамике, со следами плетения примешивается керамика, украшенная штамповой орнаментацией. В еще вышележащих слоях керамика с орнаментацией штампом еще более совершенствуется, и керамика со следами плетения совершенно исчезает; наконец во II и I слоях (самых верхних) появляется керамика очень тонкая, хорошо обожженная и звонкая. Наряду с украшенной штамповыми узорами имеется в изобилии не встречающаяся ранее чрезвычайно тонкая керамика, покрытая штрихами, как бы оставленными стеблями трав, и происходящими от специальной техники ее выработки. Станным представляется появление в двух верхних слоях в изобилии керамики самого древнего типа—со следами плетения. Какой смысл имело воскрешение старой сложной и заброшенной техники, когда на лицо имелись более совершенные способы выделки глиняных сосудов, трудно понять. Быть может, в эту эпоху сосуды, предназначенные для жертвоприношений, должны были употребляться изготовленные только по «старинному» способу—явление довольно обычное в этнографии.

Сибирская неолитическая керамика поражает исследователя изяществом форм и разнообразием орнаментации, чем она выгодно отличается от таковой Европейской России.

Состоит она из яйцевидных горшков с дном уплощенно-конической формы; горшков с плоским дном, что характерно для железного периода, почти не найдено. Некоторые сосуды имеют выраженное брюшко и несколько суженное горло; у других стенки вертикальны и тогда сосуды похожи на большое яйцо со срезанным острым концом. Сосуды такой формы чрезвычайно удобно поставить на очаг, у которого три камня заменяют современный таган. Горла сосудов обычно украшались вычурным венчиком. В некоторых случаях венчик налеплялся впоследствии; его накладывали на верхний край горшка и затем примазывали сверху вниз. Большинство горшков богато орнаментировано, орнаментация настолько разнообразна, что трудно найти два горшка, которые были бы одинаково орнаментированы. Поэтому для классификации сибирской керамики представляется совершенно нецелесообразным применять общепринятую терминологию для обозначения типов керамики вроде «ленточный», «шнуровой», «рябчатый», «гусеницевидный» и т. п. Я предлагаю следующую классификацию керамики, при чем за основу ее кладу технику нанесения узора:

А. орнамент технический, Б. орнамент искусственный.

Под техническим орнаментом я понимаю те линии и штрихи, которые получаются на горшке вследствие техники производства и отнюдь не являются намеренными украшениями;

но заполняя пустую и скучную поверхность сосуда, они тем не менее в глазах первобытных художников служили украшением и часто сочетались с искусственным орнаментом. Сюда относятся: I—горшки, покрытые следами плетения и II—горшки, покрытые следами тканей или стеблей трав.

К искусственному орнаменту относятся следующие разновидности: I—орнаментация штампом, II—орнаментация стеками, III—орнаментация проколами и выдавливанием, IV—орнаментация при помощи пальцев и нитей, V—орнаментация при посредстве наложения материала и VI—орнаментация решеткой.

Орнаментация штампом—наиболее распространенная среди других. Она наносилась на глину посредством маленькой лопаточки или палочки того или иного вида. В зависимости от формы палочки-штампа получался тот или иной отпечаток—узор; если штамп держали наклонно и вели его по глине, не отрывая, попеременно нажимая то сильнее, то слабее—получались узорчатые ленты. Если штамп держали вертикально и то погружали его в глину, то отрывали—получались ряды узорчатых ямок.

Орнамент стеками наносили тоже посредством палочек, но палочка в данном случае являлась заостренной и ее конец не должен был отпечатываться, как в предыдущем случае. Им производили на глине царапины—штрихи, которые служили контурными линиями задуманного рисунка.

Равным образом орнаментатора не интересовала форма инструмента при орнаментации проколами и выдавливании. Для этого бралась палочка с закругленным концом; ею делались на внутренней стороне горшка глубокие ямки, при чем часть материала выпучивалась на наружную поверхность, на которой получалась выпуклина в виде горошины. Горошины обычно идут параллельно краю венчика и являются очень простым, но красивым рельефным орнаментным мотивом.

Если же давление тем же инструментом производилось снаружи во внутрь, то на наружной поверхности получался ряд ямок; иногда в самом верхнем крае венчика прокалывание производилось насквозь—получался ряд дырочек.

Наконец, без специальных инструментов орнаментация производилась или ногтем или пальцем. Пальцем орнаментировали обычно венчик или на его внутренней поверхности или на обеих поверхностях, отчего венчик или делался волнистым или покрывался рядом углублений, соответствующих величине подушечек пальца. Ногтем производилось два ряда орнаментов—вонзанием и царапанием. В первом случае получались следы от движения, подобного щипанию глины. Во втором случае в глину погружали слегка ноготь, а затем вели его в горизонтальном направлении, не вынимая из глины; затем сразу отрывали его

от орнаментуемой поверхности. Часть глины, которую тащил за собой ноготь, образовала валик: этот валик подрезался слегка ногтем с противоположной стороны, и вновь повторялось предыдущее движение.

При орнаментации посредством наложения материала на горшок накладывали один или несколько валиков из глины параллельно венчику; их примазывали и придавали разнообразные формы: разрубали, изгибали волнообразно или в виде зигзагов, а иногда оставляли в первоначальном виде.

О способе орнаментации «решеткой», которая представляет собой разновидность последнего способа, будет сказано ниже.

Способ и техника нанесения узоров мною подробно рассмотрены в упомянутой работе «Неолитические находки на берегу Байкала» — стр. 128 — 131. Здесь отмечу только, что большинство сосудов украшено исключительно вдоль венчика. Только малые по своим размерам сосуды орнаментированы сплошь. В этом случае естественно напрашивается предположение, что такая орнаментация помимо эстетической преследовала и практическую цель. Ямки увеличивали наружную поверхность горшка, а следовательно и поверхность нагрева и т. обр. способствовали более быстрому закипанию пищи.

Самый древний тип керамики не имеет никакой орнаментации; только в редких случаях венчик слегка зазубрен или на нем воспроизведен легкий штамповый узор. Вся поверхность горшков покрыта пересекающимися бороздками и разбита на ромбики; на месте пересечения бороздок ясно заметны углубления, как бы оставленные узелками. Отпечаток воспроизводит плетение из шнурков или травы. Видимо идею для создания первых горшков подала корзина, обмазанная глиной. Анализируя черепки со следами плетения, я пришел к выводу, что горшки этого типа делались так: сплеталась легкая плетенка или корзинка в виде конуса, обмазывалась внутри глиной и ставилась в огонь. Плетенка сгорала и получался горшок. Обычно, в курсах первобытной культуры указывается, что первым горшком была корзина, обмазанная глиной и попавшая случайно в огонь. Откуда взято это общераспространенное мнение, указать невозможно; в части, касающейся Европы, смело можно повторить слова Э. Краузе: „утверждение это, однако, пока еще ничем не доказано“, что же касается Сибири, то, как мы видели, гипотеза эта блестяще подтвердилась найденными, в раннем неолите, черепками со следами плетения. Но в дальнейшей эволюции гончарного производства весьма трудно сказать, каким способом делались горшки. Их значительная величина, достигающая порой до $\frac{1}{2}$ арш. высоты и $\frac{1}{3}$ арш. в диаметре при весьма тонких стенках заставляет допустить обязательность какого-либо технического приспособления для их

производства. Внимательно осматривая черепки, а их прошло через мои руки несколько тысяч, я пришел к заключению, что большинство из современных способов, употребляемых первобытными народами, не применялось на заре керамического искусства в Сибири. Совершенно должны быть исключены способ поколачивания горшка колотушкой на ручной наковальне в виде круглого камня (Новая Гвинея, папуасы), т. к. он дает гладкую внутреннюю поверхность с легкими вдавливаниями там, где нажим наковальни был чрезчур силен; равным образом исключается способ спирального наложения колбасовидного валика (остр. Тестэ—Океания), т. к. изломы неолитической керамики должны были бы при этом способе быть совершенно иными; по этой же причине надо исключить способ наложения концентрических валиков (индейцы Чили) и т. п.

Наиболее возможным способом, давшим на произведенном мною опыте прекрасные результаты, является способ, близкий к андаманскому и несколько усовершенствованный мною. В земле, лучше всего в глинистой, выкапывается яма, изображающая форму будущего сосуда, яма обсыпается сухим песком и сама должна быть сухая. Хорошо промытая глина, смешанная с соответствующим количеством гравия, плотно придавливается пальцами к краям формы. Дно и венчик делаются толще. Особые заботы посвящаются венчику. Его толщина не играет роли в быстроте закипания. Поэтому он делается обычно толстым и на нем, как на обруче, висит горшок: за венчик удобно поднимать горшок; в нем же проделываются дыры для подвешивания. В большинстве случаев венчик налеплялся особо на горшок. Когда горшок в своей земляной форме несколько обсохнет (обвянет), землю вокруг него обкапывают и сосуд вынимают. При посредствии мокрой руки или мочалы наружная поверхность делается совершенно гладкой, после чего на нее наносят узор, дают окончательно просохнуть (дня 2—3) и обжигают в описываемой далее печи. Таким путем достигаются все особенности сибирской неолитической керамики—тонкость стенок при большой величине сосуда, более узкое горло, чем брюшко, и гладкая наружная поверхность при неровной сплошь в ямках внутренней. Эти ямки при ближайшем рассмотрении оказались следами подушечек пальцев женских рук. Мужские руки оказываются слишком большими. Это дает нам право заключить, что гончарство было привилегией женщин, а мужчины, занятые рыбной ловлей и охотой, в этом деле участия не принимали. Подтверждение этого предположения мы находим у значительного большинства современных первобытных народов, у которых только женщины изготовляют горшки. Мужчины в лучшем случае их отвозят на продажу. К тому же заключению пришли археологи, исследуя доисторическую керамику в Западной Европе.

Печи для обжигания горшков представляют собой небольшие очаги, сложенные из плоских плит гнейса. Каждый очаг имеет пол, вымощенный небольшими плитами. Стенки сложены из плит большего размера, поставленных наклонно так, что все вместе они образуют фигуру, похожую на воронку или розетку. Эти очаги повидимому служили для обжигания горшков: в них удобно вставить горшок с круглым дном и, обложив его сучьями, обжечь. Считать это сооружение очагом для варки пищи нельзя, т. к. для этой цели требуется постоянно подкладывать снизу огонь под котел, что совершенно невозможно на очаге этого вида, допускающем только обкладывание вокруг и сверху котла.

К концу неолитического периода в Байкальской области появляются еще два типа керамики: в одном случае горшки покрыты штрихами или как бы бороздками, оставленными стеблями травы, во втором отпечатками тканей. Оба эти типа керамики обладают свойством керамики позднего неолита—звонкостью и большой тонкостенностью, а также хорошим обжигом. Главная задача неолитического гончара тут блестяще выполнена—получен весьма тонкостенный сосуд. Долгое время я не знал, к какому периоду отнести черепки со следами тканей. Черепки, покрытые штрихами, были найдены в обоих верхних слоях Улан-Хада и следовательно их спокойно можно отнести к позднему неолиту. Черепки же со следами тканей на наружной их поверхности были неоднократно находимы на стоянках в окрестностях Иркутска М. П. Овчинниковым, Л. И. Петри, Еленевым, мною и другими лицами, а также лесничим Федюшиным в Верхнеудинском уезде (Забайкалье). Но они все происходили со стоянок смешанного характера, где неолитическая культура тесно перемешана с железной, благодаря чему неизвестно было, к какой культуре их отнести.

Только в 1921 году во время моих раскопок в бухте Песчаная на Байкале в культурном селе бухточки Колокольная мне удалось найти черепки с ясными отпечатками тканей. Эта находка дает нам возможность отнести эти черепки к позднему неолиту, к которому относится культура бухты „Песчаная“ и таким образом констатировать для поздней неолитической эпохи Байкальской области наличие ткацкого искусства. В этом нет ничего невозможного, т. к. первые несомненные доказательства существования тканей в Западной Европе мы имеем тоже из конца неолитического периода—именно из свайных построек Швейцарии. В Сибири мы не имеем пока никаких данных предполагать существование свайных построек—все как будто говорит за то, что у нас не было причин, вызвавших необходимость селиться на помостах, возводимых с таким трудом над водой; следовательно, та часть неолита Западной Европы, которая отражена швейцарскими свайными по-

стройками соответствует нашему позднему неолиту и наличие тканей только подтверждает тождество обеих культур ¹⁾).

При изучении черепков со штрихами и черепков с отпечатками тканей, которые, кстати замечу, почти всегда сопутствуют друг другу, невольно возникает вопрос о цели нанесения таких оттисков на сырую глину. Несомненно, что это делалось не для красоты: штрихи идут в разные стороны и не имеют никакого эстетического значения. Узор тканей и неправилен и местами стерт и по общему впечатлению не предназначался для украшения. Это заставляет меня искать разгадку в технике производства. Отмечу попутно, что как черепки со штрихами, так и с отпечатками тканей, отличаются исключительной тонкостенностью. Как общее правило, можно установить, что в одном и том же слое постоянно попадаются черепки самого различного вида. Тонко сработанные и изящно орнаментированные черепки лежат рядом с грубыми и небрежно обожженными. Удивляться этому, конечно, не приходится: и на нашей кухне тончайший фарфор стоит рядом с горшком деревенского кустаря. Поэтому классифицировать керамику можно только по ее залеганию в слоях земли, но отнюдь не по внешнему виду. Положение настолько несомненное, что не стоило бы о нем упоминать, если бы не появились работы, авторы которых устанавливают древние и новые типы керамики, руководствуясь исключительно внешним видом черепков.

Тонкостенность горшков, конечно, должна обуславливаться и особыми техническими приспособлениями. Прежний способ приготовления горшков в ямах не мог дать таких тонких горшков: при вынимании горшков, они бы обязательно развалились. Для этого надо было именно для момента переноса сосуда из ямы в обжигательную печь сделать его возможно прочным с тем, чтобы эта прочность не пошла в ущерб тонкости стенок. Я предполагаю, что яма (форма) выкладывалась стеблями мягкой травы вроде осоки или же тряпками, а затем обычным способом обмазывалась глиной, налагавшейся очень тонким слоем. Такой горшок, будучи обкопан и вынут из ямы, оказывался очень прочным благодаря сдерживающим его волокнам. Горшок ставили на обжигательную печь и обычным способом обжигали: стебли травы или тряпки сгорали; обожженный горшок получал необходимую прочность. От стеблей оставались штрихи: от тряпок отпечатки тканей. Это предположение объясняет все особенности описываемых черепков.

¹⁾ На реке Малый Патом (Киренский уезд Иркутской губ.), являющемся притоком реки Лены, открыты Н. М. Козьминным остатки какого-то сооружения из деревянных свай, рубленных каменными топорами. Остатки ли это свайной постройки конца неолитического периода—вследствие неполноты и несовершенства раскопки—судить совершенно невозможно.

Козьмин Н. М. Следы каменного века в долине реки Малый Патом. Известия Вост.-Сиб. отд. Р. Г. О. т. XXIX, вып. I.

Совершенно необъяснимой является техника нанесения „решетки“ на горшки. В моем распоряжении имеется значительное количество черепков, но, к сожалению, только подъемного материала, на которых можно видеть особый „решетчатый“ узор. Черепки эти происходят со стоянок смешанного характера с Байкала и с берегов Ангары. Некоторые из них имеют вполне неолитический вид, другие наоборот походят на черепки железного периода. Но т. к. их ни разу не удалось найти на стоянках с чистой неолитической культурой, то с отнесением их к той или иной эпохе пока нужно подождать. Эти горшки производят такое впечатление, как будто были приготовлены сначала тонкие нити из глины, по диаметру и виду напоминающие фабричную вермишель. Эта глиняная вермишель была наложена на еще сырой горшок; нити накладывались в клетку так, что образовались ромбы и прилеплялись к нему путем придавливания. Получался красивый сосуд, как бы оплетенный решеткой или сеткой.

К технике производства керамических изделий относятся и различные примеси к глине. В неолитический период в Сибири я нашел лишь примесь песка и гравия—материала, в изобилии находимого на берегах рек и озер. Толченый гранит, размельченные раковины, стебли трав, битые горшки и прочее, мною ни разу не было констатировано. Эта примесь делала глину менее жирной, но главная цель ее была уничтожить однородность глины и тем самым уменьшить ее хрупкость, обусловливаемую обжиганием, и опасность растрескивания под влиянием перемены температуры или сотрясения, т. к. более грубые элементы, распределенные в массе, прерывают правильные колебания. Иногда примешивался графит для придания черного цвета или слюда для блеска.

Неолитическая керамика обладает еще двумя свойствами—тонкостенностью и пористостью, чем заметно отличается от керамики железного периода—толстостенной и компактной. Конечно, оба свойства керамики специально придавались ей неолитическими гончарами, хотя бы и в ущерб прочности, т. к. в тонкостенном и пористом сосуде кипение начинается несравненно быстрее и протекает интенсивнее. Обитатели железного века варили пищу в железных котлах и горшки служили им только для хранения пищи и молочных скопов. Вот почему гончары эпохи железа, будучи несравненно менее искусными мастерами, выделявали прочные сосуды, хорошо к тому же обожженные, но предназначенные для иной менее значительной цели.

Заканчивая о керамике, следует отметить существование ручек у горшков. Ручки прилеплялись после изготовления горшка в целом и как бы примазывались к нему снаружи. Ручки снабжены дырочками для продевания нетолстого шнура для при-

вешивания. Наконец последние раскопки в Песчаной на Байкале дали интересную новинку—два сосуда с плоским дном. До сих пор можно было думать, что для сибирского неолита характерным является круглое дно при овальной форме сосуда; сосуды с плоским дном встречались только в металлических эпохах, когда глиняный котел на очаге был заменен бронзовым или железным.

Теперь можно считать констатированным существование в конце неолитического периода (новый неолит), к которому относится стоянка, двух типов сосудов—с круглым дном и плоским. Следует отметить, что один из сосудов толстостенный и покрыт штрихами; штриховатая керамика—обычный тип для конца байкальского неолита.

Другой сосуд чрезвычайно тонкостенный и хрупкий. Особенность его состоит в том, что он вылеплен из двух слоев глины—наружного и внутреннего. Производит впечатление, будто сначала вылепили весьма тонкостенный горшок, а затем, когда он „обвял“, его вторично обмазали изнутри глиной. Черепки этого горшка раскалываются сами по себе вдоль на два пласта, обнаруживающие очень слабую спайку.

Культурно-историческое значение керамики громадно. Открытие способа обжигания глины и выделка огнеупорных сосудов дало человечеству значительные преимущества в борьбе за существование. Раньше люди питались исключительно жареной пищей, при чем значительная часть ее сгорала в огне. Способ варки пищи в деревянных сосудах при посредстве раскаленных камней по всем данным им не был известен. Теперь же, благодаря способу варки, они смогли ввести в свой обиход целый ряд новых пищевых продуктов, не употреблявшихся ранее, как-то: мелкую рыбу, твердые, но съедобные при разваривании корни, зерна диких злаков (каша) и т. п. Пищу смогли добывать не только мужчины (на охоте), но и женщины, дети и старики (в окрестностях стоянки).

Увеличение продовольственных ресурсов и разделение труда значительно облегчило борьбу за существование и „вечную погоню за хлебом насущным“ и предоставило доисторическому человеку много досуга, который он и не преминул использовать для своих дальнейших гениальных достижений на пути прогресса.

Петри Б. Э. Неолитические находки на Байкале. Сборник Музея Антропологии и Этнографии, т. III.

Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики. Записки Русск. Археол. Об-ва по отделу русск. и слав. археологии, т. XI, 1915 г.

Костяная индустрия.

Предметы, сделанные из кости и рога, находятся по большей части в погребениях. Остатки неолитической культуры,

дошедшие до нас со стоянок, находятся или в песке, или в верхних горизонтах лёссовидно-черноземных почв. Песок является весьма плохой консервирующей средой; верхние же слои почв, благодаря своей подверженности атмосферическим влияниям, тоже не сохраняют кости, зато весьма богатую костяную индустрию дали раскопки могильников по берегам Ангары (М. П. Овчинников и Н. И. Витковский).

Самым оригинальным орудием здесь является широко распространенный тип кинжала-вкладыша, имеющего вид костяного клинка с приставной рукояткой; у этих кинжалов лезвие не заострено, но обращено в желоба, куда при посредстве смолы вделывались кремневые пластинки-вкладыши, имевшие вид мелких *lames* или специально тонко-отретушированных пилок. Такие кинжалы бывают обоюдо-острые или с одним лезвием. В базе большинства кинжалов проделаны дырочки для удобства укрепления рукоятки, которая, судя по аналогии с кинжалами с Адмиралтейских островов (Океания) или Центральной Австралии, должны были устраиваться из дерева, шнурков и смолы¹⁾. Далее имеется ряд колющих орудий в виде широких и заостренных кинжалов и стилетов из кости и оленьего рога. К колющему оружию относятся и наконечники копий; они имеют вид узких цилиндрических остзей, у которых база уплощенно-приостренная в виде лопаточки; они должны были вставляться в расщеп древка и укрепляться плетением. К этому же разряду оружия следует отнести чрезвычайно маленькие наконечники совершенно такого же вида, как и выше описанные (дл. 7-8 см.); они должны были прикрепляться к вершине копья, но в обратном главному острию направлении, т. е. смотреть вниз и служить зубцами. Так, например, оснащены копья у обитателей Соломоновых островов в Океании, являющиеся страшным смертоносным оружием. Крупные наконечники копий в большинстве случаев гладки, но некоторые экземпляры снабжены зубцами.

Поразительное разнообразие являют нам гарпуны; их отделяющиеся наконечники или снабжены у базы бугорками или выступом с дырочкой для привязывания шнура (ремня?). Они обладают или многочисленными мелкими зубцами, или же 2-3 крупными. Зубцы располагаются или с двух сторон (двусторонние наконечники гарпунов), или с одной стороны (односторонние наконечники).

К рыболовным принадлежностям относятся костяные крючки удочек, очень искусно вырезанные и снабженные зубцами для задерживания пойманной рыбы (как на современных стальных крючках). Более мелкие экземпляры сделаны из когтей животных и удивляют тонкостью резьбы зубцов из столь твердого материала.

¹⁾ Сходные с ангарскими кинжалами-вкладышами найдены на Енисее и на Урале.

Из технических орудий отметим долота из кости и рога, костяные шилья и иглы. Шилья встречаются как очень крупных размеров, так и миниатюрные. Костяные иглы весьма тонки и снабжены ушком. Для хранения их употреблялись длинные футляры из трубчатых костей птиц.

Заканчивая перечисление костяной индустрии, следует упомянуть о костяных ложках на подобие современных, ложках в виде лопаточки с рыбьим хвостом, бирках—счетных палочках с зарубками—условными обозначениями—зачаток письма, различных рукоятках, набалдашниках и проч. Коллекция костяной индустрии с берегов Ангары чрезвычайно богата. На Енисее собрано пока еще очень мало; из других мест Сибири имеются только единичные экземпляры.

Витковский Н. И. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губ., на левом берегу Ангары, произведенных летом 1881 г. Известия Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О., т. XIII, № 1 и 2, стр. 1—36.

Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопках могилы каменного периода, произведенных в июле 1880 г. Известия Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О., т. XI, № 3—4, стр. 1—12.

Неолитические стоянки.

Все вышеописанные предметы неолитической культуры мы находим или где-нибудь на пашнях, в промоинах, на откосах и тому подобных местах, или в могилах, или на так называемых стоянках. В первом случае мы встречаем случайно оброненные предметы, во втором инвентарь предметов ограничивается только предназначенными для следования в загробный мир. Зато на стоянках мы находим все, что создавал своими руками неолитический человек, и что сохранили до наших времен условия залегания культурного слоя.

Стоянками называются места древних поселений. Если место древнего поселения, сохраненное до наших времен покрывающим слоем земли по той или иной причине обнажится, нам представится следующая картина: все пространство будет покрыто разбросанными в беспорядке узорчатыми черепками битой посуды, осколками кремня и каменными орудиями (целыми и поломанными)—стоянка каменного века, или же шлаками, кузнечным нагаром, плотными черепками посуды—стоянка железного века, или же тем и другим—стоянка смешанного характера. Стоянкой смешанного характера я называю такое место, где жили люди каменного века, а потом поселились люди, умевшие выделывать железо. Интересно отметить, что как по течению реки Ангары, так и по течению Енисея, а равно и в Забайкалье имеется ряд смешанных стоянок, на которых остатки

неолитической культуры теснейшим образом перемешаны с остатками культуры железной. Происходит это от того, что на местах, избранных неолитическим человеком для своего поселения, впоследствии поселялся человек железной культуры. Тот факт, что люди железной культуры избирали местом своего оседлого пребывания именно те места, где раньше жили неолитики, с одной стороны весьма характерен для большинства губерний Сибири, с другой же заслуживает особого внимания с точки зрения истории первобытной культуры. Вообще мы часто замечаем, что места для поселений в ранние периоды своей истории человек выбирал весьма удачно и последующие насельники края подтверждали правильность выбора местожительства своих предшественников, оценивая по достоинству и стратегические условия пункта и его преимущества для жизни. Для примера остановимся хотя бы на городе Иркутске.

Палеолитический человек прекрасно оценил все преимущества этого места. Вслед за ним и, конечно, независимо это место было избрано его преемником—неолитическим человеком. Далее мы имеем указания на обитание на том же месте во времена бронзового периода и, наконец, остатки железной культуры свидетельствуют, что во времена, близкие к историческим, тот же участок был населен. Когда по Ангаре поднялись казаки, они, со свойственным им чутьем, быстро оценили все преимущества местоположения и построили здесь острог, развитие которого в большой город показало всю целесообразность их выбора. Современные жители Иркутска отнюдь не жалуется на местоположение города и не высказывают пожеланий о перенесении его на какое-либо другое место, как то часто приходится слышать на местах, назначенных для обитания в порядке административных распоряжений (Ленинград). Приблизительно то же мы можем отметить и по поводу целого ряда стоянок по Ангаре; эту же характерную черту отмечает и И. Т. Савенков для стоянок по Енисею.

Стоянки смешанного характера бывают двух родов—лессовые и в песках. Предметы на лессовых стоянках залегают непосредственно в верхнем почвенном слое (чернозем), при чем остатки культур неолитической и железной так тесно перемешаны, что совершенно невозможно отделить одну от другой. В большинстве случаев они расположены по склонам гор. Процессу перемешивания способствовали с одной стороны процесс стекания по склону чернозема, а с другой деятельность самих обитателей стоянки. В этот чернозем, весьма вязкий и жидкий в дождливую пору, должны были втапываться предметы индустрии первых насельников края—неолитиков; когда на том же месте поселились и люди железной эпохи, они, конечно, не обратили никакого внимания на остатки своих предшественников и продолжали разбрасывать отбросы своего хозяйства вокруг себя.

Втапывая эти последние в землю при ходьбе или засыпая их при копании ям, очагов, землянок и т. д. они так тесно их смешали с остатками своих предшественников, что мне случилось не только находить рядом черепки обоих эпох, но каменный наконечник копья или неолитический скребок в более высоком горизонте, чем керамику железного века.

Совершенно иную картину являют стоянки в песках. Если пески не пришли в движение, то у нас есть полная надежда найти два культурных слоя—верхний, с остатками культуры железного периода, нижний—неолита. К сожалению, мы в большинстве случаев располагаем только площадями выдувов, на пространстве которых, под открытым небом, в перемежку лежат предметы обоих культур. Отделять одни от других, действуя только «по впечатлению и чутью»—путь и скользкий, и не научный. Предварительно следует внимательно изучить «чистые культуры» как для неолита, так и для железного периода, по местонахождениям, где богато представлена только одна из обоих культур, а затем уже, установив элементы для каждой культуры, можно разобраться в том *mixtum compositum*, который дают нам стоянки смешанного характера и отделит неолитические предметы от принадлежащих людям, знакомым с употреблением железа. Очень часто бывает, что разрушительные процессы природы (денудация) происходят не на площади всей стоянки,—часть ее представляет собой выдув, другая же, будучи нетронутой, сохраняет предметы так, как они были брошены доисторическим человеком. В этом случае на площади выдува мы можем собрать богатый подъемный материал; нетронутые слои дадут нам картину расположения стоянки, а если культурных слоев несколько—последовательную смену культурных явлений. Такое положение имело место на стоянке Улан-Хада. Особый интерес представляют раскопки доисторических стоянок: будучи правильно поставлены, они позволяют порой восстановить даже мелкие подробности образа жизни народа, вымершего еще задолго до наступления исторических эпох. Поэтому стоянки требуют особенно бережного к себе отношения археологов и раскопка их должна вестись в широком раз-мере и требует больших материальных затрат и применения большого числа рабочих. В таком случае можно восстановить план стоянки, место, где население её работало, где располагало жилища, где раскладывало очаги и варило пищу и прочее, словом получить материал для реконструкции образа жизни древних насельников.

Жилища. Остатков жилищ неолитического периода в Сибири найдено очень мало. На Байкале, на стоянке Улан-Хада были найдены незамкнутые круги, сложенные из камней, со входом, обращенным на юг. Расположение камней говорило за то, что мы имеем перед собой основание кониче-

ских шалашей, строившихся, надо думать, из жердей и покры-
вавшихся лиственничною корой. Такой шалаш, напоминающий
современную юрту тунгусов или карагасов, мог обкладываться
для прочности и для удержания широких полос лиственничной
коры снаружи по кругу основания камнями. По разрушении
шалаша на его месте должен был оставаться упомянутый не-
замкнутый круг.

В неолитической колонии, расположившейся в бухте* «Пес-
чаная» на Байкале на той стоянке, которая находилась на
берегу бухточки «Колокольная», найдено основание такого же
жилища со входом, обращенным на юг, прямо на озеро. Далее
на реке Ангаре, на неолитической стоянке «Ерши» (11 верст
от ст. Иркутск вверх по течению) мною в 1919 г. найдены
остатки четырехугольных землянок со входами, обращенными
на южную сторону. Жилые ямы были глубиной в среднем око-
ло аршина при длине в 5 арш. и 3 арш. ширины. Сторона со
входом была короче, чем таковая без входа.

Наконец в 1885 г., близ гор. Тюмени, И. Я. Словцовым на
берегу озера Андреевского было найдено интересное поселение
неолитического периода. Андреевское озеро, по исследованиям
Словцова, следует считать остатком большого пресноводного
бассейна, на берегу которого жил человек. Он занимался рыб-
ной ловлей и охотой и жил в небольших, обнесенных рвом и
валом селениях, состоявших из землянок (21-22 землянки в
селении). Раскопки землянок и окружающей их местности дали
богатую коллекцию керамики (сосудов с круглым или кониче-
ским дном, покрытых характерным неолитическим орнаментом),
каменных топоров, кремневых ножей, скребков, наконечников
стрел и т. д.—все в количестве, доказывающем длительность
пребывания в поселении народа, его выстроившего. В Западной
Европе в средний неолитический период строились сходные зе-
млянки, из которых составлялись «деревни»—явление, вполне
аналогичное сибирскому. Землянки представляли собою яму че-
тырехугольной, овальной или круглой формы с очагами посреди,
долженствовавшими находиться под соответствующим отвер-
стием в крыше. Встречаются землянки, у которых пол был
нымощен и внутри были сделаны сидения из земли. Как и в
Сибири, неолитические поселения нередко окружались рвами и
валами.

Петри Б. Э. «Неолитическая колония в бухте «Песчаная»
на Байкале. Сборник трудов проф. и препод. Госуд. Ирк. Уни-
верситета, отд. I, вып. 2, Ирк. 1921 г.

Словцов И. Я. О находках предметов каменного века
близ гор. Тюмени. Записки Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О., кн. VII,
вып. I, стр. 1—59.

Руденко С. И. Научная поездка в Киргизский край ле-
том 1921 г. Геогр. Вестн. 1922 г. Т. I, в. 1, стр. 21.

Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Известия Биолого-Географ. Института при Иркутском Гос. Университете. Т. I, в. I.

Кухонные кучи.

Для преистории Сибири очень знаменателен факт нахождения на берегах Охотского моря типичных раковинных куч. Эти кучи, состоящие из раковин морских моллюсков, главным образом устриц, содержат весьма значительное количество культурных остатков и с одной стороны стоят весьма близко к японским кучам, с другой же рядом аналогий связываются с европейскими. Устрицы по большей части расколоты, но попадаются и целые створки.

Кроме моллюсков человек добывал из моря рыбу, о чем свидетельствуют рыбы кости, лежащие попеременно с раковинами. Вторую по количеству составную часть являются кости наземных животных (дикой свиньи, домашней собаки, оленей, барса, медведя, косули и др., а также птиц). Что касается до найденных в этих кучах каменных изделий, то они все отличаются тщательной полировкой. Материалом для них служат кремнистые, глинистые и роговообманковые сланцы. Из орудий отметим топоры довольно крупных размеров, искусно вышлифованные из серого и черного глинистого сланца. Стрелы имеют лавролистную или ланцетовидную форму. Также тщательно вышлифованы и наконечники копий. Далее отметим долота из кремнистого сланца и ножи из глинистого сланца. Еще разнообразнее изделия из кости и рога: иглы, шилья, наконечники стрел и копий и кинжалы.

Керамика жителей побережья Охотского моря была достаточно незамысловата и груба. Орнамент ее, в противоположность вычурно-сложному японскому, до чрезвычайности прост и говорит о том, что его создатели вкладывали мало любви в эту область своей индустрии. Кроме искусства обжигать глину и шлифовать камень древним аборигенам Охотского моря было знакомо и ткацкое искусство, если и не в совершенной форме, то во всяком случае хотя бы самое примитивное—об этом свидетельствуют пряслицы (маховики веретен), сделанные из обожженной глины или кости. Хотя исследования кухонных остатков крайнего востока Сибири далеко не полны, но уже и этих немногих данных вполне достаточно, чтобы указать на только внешнее сходство культуры сибирских и датских кухонных куч. В то время, как культура датских кухонных куч относится к раннему неолиту, когда не было известно еще применение шлифования камня для приготовления орудий, культура сибирских кухонных куч относится к значительно более поздней фазе неолитического периода, когда искусство шлифования камня достигло высокого развития и было известно даже ткачество, хотя бы и самое примитивное.

Маргаритов В. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близь р. Седими. Издание Общ. Изуч. Амурского края. Владивосток, 1887 г.

Янковский М. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива. Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО т. XII, № 2—3, стр. 92—93.

II. Духовная культура.

Изобразительное искусство. Предметов изобразительного искусства в Сибири найдено очень мало. В бухте «Песчаная» на Байкале мною найдено в 1919 году скульптурное глиняное изображение человека с узким лицом и острой бородкой—повидимому маленький идол—домашний божок. В 1913 г. на Байкале же на стоянке Улан-Хада был найден фрагмент глиняного сосуда с изображением змеи и многочисленные каменные скульптурные изображения рыб. Такие же рыбы найдены и в окрестностях Иркутска (Овчинниковым, Витковским и мною) и в Чадобце (низовья Ангары). Далее в предместье Иркутска Глазково М. П. Овчинников нашел двух костяных человечков—идольчиков, причем один из них изображен с рыбьим хвостом. Эти рыбы и человечки с рыбьими хвостами видимо тесно связаны и, проводя параллель с ролью рыбы в шаманском ритуале, можно с значительной долей вероятия предположить, что они изображали какие-то антропоморфные рыбы божества. Несколько особо стоит каменная голова из могилы у села Распутина (Ангара).

В окрестностях Красноярска И. П. Савенков нашел на дюнных стоянках превосходно сработанные скульптурные изображения лосей, сделанных из кости и изображения человека с птичьей головой из того же материала; аналогичное изображение имеется оттуда же, сделанное из кремня. К искусству неолитического периода, конечно, следует отнести и богатую геометрическую орнаментацию керамики, описанную выше, равно как и гравированные геометрические орнаменты на предметах костяной индустрии.

К предметам искусства относятся, конечно, и украшения. В неолитической культуре Сибири имеются прекрасно выточенные из зеленого и белого нефрита кольца, которые служили браслетами и нагрудными украшениями; из нефрита же сделаны круглые пластинки с дыркой посреди, употреблявшиеся как налобное украшение. Очень красивые ожерелья делались из зубов изюбря (благородный олень) и клыков дикого кабана. Иногда ожерелья делались из белых бусинок (материал невыяснен). Просверленные зубы изюбря служили также и для головных уборов. Самым оригинальным украшением были ожерелья и браслеты, составлявшиеся из больших и маленьких каменных предметов

специальной строго выдержанной, никогда не уклоняющейся от канона формы. Величина этих привесок варьирует от 1¹/₂ до 12 сант., они не напоминают ни одного из животных или растений. Последнее обстоятельство в связи с их неизменной формой заставляет их отнести к предметам религиозного культа. И действительно: если бы это были обычные украшения, они были бы самой разнообразной формы в зависимости от вкуса мастера и общего замысла украшения.

Сосновский Г. П. Остатки доисторического прошлого у села Распутина на реке Ангаре. Иркутск. 1924. Изд. Ирк. Научн. Музея.

Baron de Baye. Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkoff dans la Sibirie Orientale. Lecture faite à l'Academie des Sciences. Paris. 1894.

Религиозные представления. Коснувшись изобразительного искусства и украшений, мы указали уже на существование религии у насельников Сибири неолитического периода. Еще больше света проливают на эту сторону духовной жизни их погребения. В 1880 г. Н. И. Витковский при впадении р. Китоя в Ангару, а в 1900 г. М. П. Овчинников в предместье Иркутска «Глазково» нашли неолитические кладбища, которые были ими раскопаны весьма тщательно. Ценным дополнением к ним служат две неолитические могилы, найденные у села Распутино на Ангаре и обследованные Г. П. Сосновским. Кроме того, неолитические погребения найдены в окрестностях гор. Красноярска И. Т. Савенковым и В. В. Передольским. От енисейских раскопок мы имеем всего два кратких и малоговорящих отчета, из которых мы можем заключить, что енисейские погребения по характеру сходны с ангарскими. Ангарские костяки лежали на сравнительно небольшой глубине повернутые головой на северо-восток или на юго-запад; поза спящего на спине с лицом кверху и руками, протянутыми вдоль тела. Скелеты были густо обсыпаны красной охрой (кровоавиком)—ярко-красной минеральной краской. Под головой покойника лежало иногда кольцо из нефрита—остаток прически(?), рядом ставился небольшой горшочек с пищей. В некоторых погребениях о давании пищи покойнику свидетельствуют расколотые трубчатые кости крупных млекопитающих животных. Изредка тут же попадались и костяные ложки изящной работы. Вокруг головы и тела в беспорядке лежали нефритовые топоры, гарпуны, наконечники копий, шилья. На шее найдены остатки ожерелий из клыков изюбря и когтей птиц; ожерелья, видимо, свешивались на грудь, где заканчивались клыками кабана; около груди, рядом с покойником часто клали топоры и орудия из нефрита. На запястьях некоторых скелетов попадаются когти птиц и животных и вышеописанные амулеты—и то и другое остатки своеобразных браслетов. Неподалеку от рук порой лежали шилья

и футляры из трубчатых костей птиц с костяными иглами. Вокруг покойника на уровне живота, коленей или ступней часто клали стрелы (остались только их наконечники) и, надо думать—лук; далее нефритовые топоры и ножи, кремневые скребки и т. п. В ногах порой находился точильный камень или оселок.

Погребения сильно разнятся как по количеству вещей, положенных покойнику, так и по их подбору. Некоторые могилы богаче, другие беднее; предметы одних могил указывают на то, что похоронен был охотник и воин, других—женщина. В насыпной земле некоторых могил попадаются кучки круглых галек, сложенные в виде пирамидок или кучки предметов неолитической индустрии, а порой горшечные черепки, что наводит на мысль о существовании поминок. Все же погребение в целом указывает на высоко развитый культ мертвых.

Характерную черту, объясняющуюся страхом перед мертвецами, отмечает Словцов при описании раскопанного им неолитического поселения на берегу Андреевского озера близ Тюмени. При поселении имелось и кладбище, но оно было расположено через воду на другом берегу пролива, образуемого озером. Покойников хоронили в сидячем положении; в могилу им клали различные предметы обихода; над могилой насыпали холмик.

То же явление отметил и я, разыскивая поселение, к которому принадлежал неолитический некрополь у впадения реки Китой в Ангару. Н. И. Витковский тщетно искал поселение на левом берегу Ангары, т. е. на одной стороне с кладбищем. Зная о стремлении неолитиков хоронить через воду, я переправился на правый нагорный берег Ангары и вскоре в пади Зобан нашел остатки неолитической стоянки.

Суммируя все сказанное о религии и проводя сравнительно этнографические параллели, мы должны допустить существование выраженных анимистических представлений у неолитического человека Сибири. Все решительно имело душу; даже топоры, гарпуны, иглы, стрелы, положенные в могилу покойнику, умирали и следовали в загробный мир, который в сущности ничем не должен отличаться от этого мира. Там также рыбачат, охотятся, разводят огонь, варят пищу, шьют одежду, как и здесь. Недаром надо было дать покойнику все для первого обзаведения в «селении мертвых». Видимым миром управляли всевозможные духи—хозяева отдельных мест—гор, лесов, озер, рек... От их благорасположения зависело благополучие неолитического человека. Как рыбаку, ему важно было получить расположение водяного хозяина, т. к. он являлся даятелем рыбы. Последний с одной стороны рыба, а с другой человек. Отсюда и его изображение то в виде человека с рыбьим хвостом, то в виде рыбы.

На почитание других животных указывают изображения антропоморфизированных птиц, найденных около Красноярска, змей с берегов Байкала и т. п. Кроме этих божеств существовали и души умерших, которые имели силу возвращаться в этот мир и мстить потомкам за дурные похороны или за несовершенство поминок. Отсюда вытекал культ мертвых и ритуал похорон.

Витковский Н. И. Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губ. на левом берегу р. Ангары, произведенных летом 1881 года. Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО, т. XIII, № 1 и 2, стр. 1—36.

Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода, произведенной в июле 1880 г. Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО, т. XI, № 3—4, стр. 1—12.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО, т. XVII, № 3—4, стр. 30—33.

Передольский В. В. По реке Енисею и его притокам. Изв. РГО, т. XXXII, вып. III, стр. 210—214.

Теплоухов С. А. Сообщение о раскопках неолитических погребений в долине р. Енисея в 1920 и 1921 г.г. Географический Вестник, 1922, т. I, в. I, стр. 21.

III. Общие выводы.

Ойкумена. Подвести в данное время итоги неолитическому периоду Сибири, как это сделано для Западной Европы, конечно, нельзя. Слишком мало еще сделано систематических исследований в этой области; еще меньше мы располагаем опубликованным материалом. Тем не менее, уже намечаются пять больших провинций.

I. Байкальская провинция, куда входят бассейны Селенги, Ангары и Верхней Лены.

II. Енисейская провинция¹⁾—бассейна Енисея.

III. Амурская провинция—бассейн реки Амура с Камчатской областью.

IV. Северо-западная провинция—бассейн Оби и Иртыша (без верховий).

V. Юго-западная провинция—б. Семипалатинская, б. Акмолинская и б. Тургайская области.

Конечно, эти провинции намечены провизорно и мы не имеем сейчас даже достаточно данных не только для того, что-

¹⁾ Возможно, что Енисейский край придется присоединить к Байкальской провинции в виде субпровинции.

бы провести их границы, но даже для того, чтобы характеризовать особенности культуры каждой провинции.

В высшей степени интересный вопрос о крайних северных пунктах заселения в неолитический период до сих пор еще не достаточно выяснен. Самое северное место, где были сделаны находки, относящиеся к неолиту, это село Дудинское на Енисее почти у впадения его в Ледовитый океан (69° сев. шир.).

Другое, хотя и несколько неопределенное указание, мы имеем из дельты р. Обь, где В. М. Новицким были открыты дюнные стоянки, повидимому относящиеся к неолиту (66° с. ш.). О том, что крайний северо-запад Сибири, представляющий собою в наши дни страну, где борьба за существование крайне тяжела, был заселен в неолитическую эпоху, свидетельствует еще ряд находок: С. И. Руденко—р. Сосьва (63° с. ш.), село Самаровское (60° с. ш.), Березовский округ (упоминание у Уварова, т. II, стр. 104) и, наконец, указания И. С. Полякова о находках каменных орудий в низовьях Оби. Впрочем, все эти указания требуют дальнейших проверочных исследований и может быть многое окажется не неолитического происхождения.

Равным образом и суровый Ленский край был заселен в неолитический период. В моем распоряжении имеется ряд предметов, доставленных из различных пунктов этой области; предметы, несомненно относящиеся к неолиту из нескольких пунктов крайнего севера-востока Сибири, где сделаны неолитические находки, приведены у Уварова (т. II, стр. 7). Все эти находки наводят на мысль о необходимости допущения в Сибири для неолитического периода более теплого климата, чем в настоящее время. С этим предположением совпадают выводы В. Н. Сукачева, исследовавшего торфы в Карской тундре (между рекой Щучьей и Карским морем), где он обнаружил остатки ели, лиственницы, пихты, березы и ольхи. Таким образом, некогда древесная растительность заходила в места, где ныне расстилается безлесная тундра. В. Н. Сукачев предполагает, что в это время в этих широтах был более теплый, чем теперь, климат и относит его ко времени после последнего оледенения (См. Метеорологический Вестник, 1922, стр. 25—43).

Точное установление факта обитания на крайнем севере неолитического человека позволило бы с одной стороны начертить северную границу неолитической ойкумены, с другой же указало бы нам на климатическое состояние Сибири в этот период, что уяснило бы некоторые бытовые черты и для более южных широт. Но в вопросе о неолите крайнего севера мы должны быть чрезвычайно осторожны, т. к. на севере и в настоящее время обитает ряд народов (палеоазиаты, самоеды) с регрессивной культурой, вытесненные в свои безотрадные тундры новыми пришельцами более южных широт. Здесь эти народы

должны были утратить не одно свое культурное приобретение и в том числе умение выплавлять металлы; последние им пришлось заменять камнем, если не удавалось путем обмена добыть их от южных народов. Т. обр., мы видим возврат к каменному веку у современных народов крайнего севера, именно к неолитическому периоду. Теперь при некоторой налаженности транспорта (русские и американцы) этот период жизни крайнего севера отошел в область прошлого, но прошлое это не только не доисторическое, но даже весьма недалекое. Отдельные разрозненные предметы этой культуры могут быть легко приняты за неолитические и только правильно поставленные раскопки в нескольких пунктах смогут пролить свет на вопрос о северной границе неолитической ойкумены.

Реконструкция быта. Об образе жизни насельников Сибири в неолитический период мы уже попутно говорили при описании различных находок. Попытаемся вкратце сделать реконструкцию их быта.

Это были по преимуществу оседлые рыбаки; подсобным промыслом им служила охота. Для своих поселений они выбирали места по берегам рек или крупных водоемов, где имелся отлогий берег, удобный для неводьбы. Здесь на прибрежной полосе располагалось селение, состоявшее из небольшого числа жилищ. У самой полосы прибоя лежали вытащенные на берег челны. За ними стояли шесты, на которых развешивались для сушки сети. Еще дальше от берега устраивались очаги из трех камней для варки пищи, а несколько ближе к краю обитаемого места сооружались печи для обжигания горшков. Линия очагов была местом, где обитатели поселка проводили наибольшую часть времени. Здесь раскладывались большие каменные плиты для чистки рыбы, здесь происходила трапеза и повседневные работы. На заднем плане стояли жилища; летом неолитики жили в конусообразных юртах, состоявших из жердей и крытых повидому листовичной корой, придерживаемой у земли большими и малыми камнями. Посреди жилья стоял очаг из трех камней на случай ненастной погоды. Зимой жили в четырехугольных землянках. Древние насельники нашего края обладали выраженной любовью к украшению всего, что являлось делом их рук: несомненно они украшали дома богатой цветной резьбой и рисунками. В их постройках мы должны видеть первые начатки деревянного зодчества. Образ жизни этих рыбаков был оседлый или в крайнем случае у них существовали зимники и летники, как у современных полуседлых народов.

Жизнь рыбацкого поселка протекала шумно и хлопотливо; событиями служили обильный улов рыбы, возвращение с окрестных гор охотников, отягченных добычей, и прибытие лодок с гостями из соседнего поселения. Никаких данных, указывающих

на военные столкновения, нет: все говорит за то, что в Сибири люди в неолитический период были настроены весьма миролюбиво. Точных указаний на их социальное устройство у нас нет в распоряжении. По всей вероятности они жили племенами или родами (последнее вероятнее). Но какое-то социальное устройство во всяком случае было, т. к. иначе трудно себе представить жизнь рыбацкого поселка. В Западной Европе мы имеем в циклопических постройках несомненные доказательства существования социального устройства.

Одежда этих древних насельников состояла из тканей, а в холодное время из мехов и была убрана всевозможными украшениями: перьями, раковинами, зубами. Костюм дополняли ожерелья, браслеты и сложные нагрудные украшения, а также прическа (волосы собирались сзади пучком и продевались в нефритовое кольцо). Нахождение красок заставляет предполагать, что одежды были красиво окрашены. Одежду мужчин дополняли кинжал, боевой топор или палица, копье и лук с колчаном стрел. Несомненно, такой охотник должен был иметь импозантный вид.

О религиозных представлениях древних обитателей Сибири мы уже говорили в соответствующем разделе. К сожалению, пока остеологический материал этого периода совершенно не изучен ни с медицинской, ни с антропологической стороны. Сибирский остеологический материал по неолиту крайне незначителен и не приведен пока еще ни в какую систему. Но во всяком случае, мы можем сказать, что неолитики принадлежали к какой-то выразительно длинноголовой расе. Когда нам удастся собрать достаточный материал для того, чтобы наметить неолитические расы Сибири и связать их с культурными провинциями, мы сможем сказать, что в исследовании края мы достигли весьма ценных результатов.

Новицкий В. М. Дюнные стоянки в дельте Оби. Тр. О-ва Естеств. при Казанск. Ун-те, т. XLIX, вып. I.

Петри Б. Э. Отчет о командировке на Байкал летом 1916 г. Отчет Рос. Акад. Наук за 1916 г.

Петри Б. Э. Вторая поездка в Предбайкалье. Изв. Русск. Комит. для изучен. Сред. и Вост. Азии, сер. II, в. III.

Линьков А. Археологические экскурсии. С. Усть-Балей, р. Китой, дер. Крыжановщина, дер. Щукина. Сибирский Архив. 1911 г., № 1, стр. 13—19.

Уваров А. С. Археология России. Каменный период 1881 г.

Мергарт Г., д-р. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. Известия Красноярск. Отд. РГО, т. III, в. I, стр. 32—34.

Переход к бронзовому периоду.

Еще в 1913 г. при раскопках стоянки Улан-Хада на Байкале на выдуве было поднято несколько бронзовых вещей, которым я тогда не придавал особого значения, как предметам, не добытым из культурных слоев. Я полагал, что они попали на выдув из того слоя в 90 см., который покрывает собой неолитические культурные слои. Но в 1919 г. при раскопках неолитической колонии в бухте «Песчаная» на Байкале я был удивлен находкой в верхнем горизонте культурного слоя *in situ* бронзового ножа. После этого бронзовые находки стали попадаться регулярно почти на всех стоянках, относящихся к позднему неолиту.

С другой стороны мы имеем из таежной полосы Сибири весьма значительное количество бронзовых предметов и не имеем ясных остатков самостоятельной бронзовой культуры. С последней тесно связано погребение в курганах или во всяком случае труположение совместно с инвентарем бронзовых вещей. Анализируя элементы бронзовой культуры в Сибири, я пришел к убеждению, что она принесена в наши южные степи откуда-то извне, быть может из высокой Азии каким-то скотоводческим народом¹⁾. Скотоводство и кочевой быт—неотъемлемые особенности сибирской бронзовой культуры. Вот почему мы не находим на территории Сибири настоящих стоянок эпохи бронзы²⁾, а северная граница распространения курганов совпадает с южной границей тайги. Если бронзовая культура неразрывно связана со скотоводством, то вполне понятно, что граница леса, послужившая непреодолимой преградой для продвижения в северные районы скотоводческой культуры, тем самым явилась и границей распространения бронзовой культуры.

В области сибирской тайги по прежнему бытовал неолит (поздний) в то время, как область степи шагнула на следующую ступень по эволюционной лестнице. Обе индустрии и каменная и бронзовая существовали одновременно. Но отдельные предметы из нового блестящего металла проникали теми или иными способами на север и попадали в руки неолитиков. Эта гипотеза, высказанная мною еще в 1922 г., при всех моих дальнейших

¹⁾ К тому же заключению, «что культурное зерно, случайно брошенное, быть может, с юга, нашло себе здесь (в Минусинском крае) удобную для дальнейшего развития почву» пришел в отношении Минусинского края до меня акад. В. В. Радлов (Сибирские древности, т. I, вып. 1, 2, 3 и т. II, вып. 1. Материалы по археологии России №№ 3, 5, 15 и 27, изд. Археологич. Комиссии).

²⁾ Стоянки, найденные С. А. Теплоуховым на Енисее (Анаш, Андроновская культура) и М. П. Грязновым в бассейне р. Оби, я склонен отнести не к категории постоянных стоянок оседлых жителей, а к сезонным останкам кочевников. Такие сезонные заходы с постоянной остановкой на одном излюбленном месте я наблюдал у скотоводов халхасцев и дюрбетов и у охотников-оленьеводов карагас.

изысканиях находила подтверждение. На всех стоянках верхнего неолита я неизменно находил бронзовые вещи. Научились ли неолитики расплавлять металл—пока еще трудно сказать. Вернее всего они лишь пользовались готовыми предметами, хотя грубость и несовершенство форм некоторых ножей, а также нахождение порой на поздне-неолитических стоянках кусков металла или его капель не лишает нас возможности думать, что попытки выплавлять из готового металла могли делаться¹⁾. Но и в этом случае на ряду с местными, главным образом употреблялись импортные южные вещи. Во всяком случае, мы можем констатировать, что в Сибири, как и в Западной Европе с концом неолита совпадает знакомство с металлом.

Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края. Сиб. Живая Старина, вып. I, 1923, стр. 154—178.

Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурягского края. Иркутск, 1922, стр. 17—21.

Опыт классификации. Заканчивая обзор неолитического периода Сибири, естественно сделать общий обзор постепенного хода истории культурных приобретений. В этом отношении нам сможет представить данные стоянка Улан-Хада на Байкале, где одиннадцать слоев лежат ненарушенно один на другом и заключают образцы культуры всего неолитического периода Прибайкалья, начиная от его первых стадий и кончая переходом к бронзовому периоду. Для классификации байкальского неолита эта особенность стоянки имеет большое значение, т. к. где бы мы не нашли в этой области достаточно полно представленную стоянку, мы всегда ее можем по характеру индустрии отнести к тому или иному слою Улан-Хада. Таким образом, стоянка Улан-Хада является как бы шкалой, сравнивая с которой, мы можем отдельные разрозненные стоянки, удаленные одна от другой на значительные расстояния, ставить в хронологически-последовательном порядке. Например, относя стоянку А ко II слою Улан-Хада, а стоянку Б к VII, мы тем самым культуру Б будем считать предшествовавшей культуре А. Улан-Хада, благодаря обширности материала дает возможность разделить весь период, представленный ее культурой, на отдельные стадии и тем самым наметить подразделения сибирского неолита. Весь материал, добытый на Улан-Хада, естественно распадается на три части, соответствующие трем намечающимся эпохам неолитического периода Сибири; согласованность с культурными слоями при этом полная.

¹⁾ Д-р Мергарт указывает в своей работе о классификации доисторических культур Енисея, что на Ангаре у с. Соколова найдена форма для литья бронзовых топоров. Изв. Красноярского Отдела Р.Г.О. т. III, в. 1, стр. 34.

К древней эпохе я отношу XI и X слои Улан-Хада. Нижний (XI сверху) слой не содержит в себе ни керамики, ни шлифованных орудий, т. е. того, что является столь характерным для развитого неолита; поэтому его культуру следует считать переходной от неолита к палеолиту. В X слое появляется керамика со следами плетения грубого обжига без всякой орнаментации (см. выше). Каменная индустрия ничем существенно не отличается от предыдущей. Древнюю эпоху сибирского неолита можно разбить на две стадии—раннюю—неолит без керамики (соответствует XI слою Улан-Хада) и позднюю—неолит с первой несовершенной керамикой (соответствует X слою Улан-Хада). Слои IX, VIII и выше до III включительно содержат в себе прекрасно орнаментированную посредством штампа керамику (керамика со следами плетения встречается еще в IX слое, а потом исчезает), шлифованные орудия и стрелы (появляются в IX слое впервые; выше встречаются в большом количестве). Культура этих слоев характеризует среднюю неолитическую эпоху; к ней же относятся гениальные открытия лука и стрел и искусство шлифовать камень.

Наконец, II и I слои, т. е. два самых верхних, должны быть отнесены к новой неолитической эпохе. Их культура отличается чрезвычайно тонкой ретушью, миниатюрностью и геометрической правильностью кремневых поделок, чрезвычайно тонкостью и звонкостью керамики и совершенством ее обжига и наконец появлением в большом количестве изделий из нефрита и ткацкого искусства. К этому же времени относится и появление первых импортных бронзовых вещей. Выражая сказанное таблицей и проводя параллели с западно-европейской классификацией мы будем иметь:

Опыт классификации века камня в Сибири.

З а п а д н а я	Е в р о п а	С и б и р ь	Х а р а к т е р и с т и к а
Х а р а к т е р и с т и к а	Неолитические ста- дии в Зап. Европе	Слой Улан-Хада и Царь-Девыцы	Х а р а к т е р и с т и к а
Совершенство кремневой техники; появление мед- ных предметов, ткачество	Поздняя неолити- ческая эпоха	I и II слой Улан- Хада, верхний слой Царь-Девыцы	Совершенство техники, появле- ние бронзовых предметов, ми- нералогичность кремневых изде- лий, изделия из нефрита, тка- чество
Лук и стрелы, усовершен- ствование керамики, шли- фованные орудия, нефрит	Средняя неолити- ческая эпоха	III слой, IV слой, V слой, VI слой, VII слой, VIII слой, IX слой, Улан-Хада	Стрелы (начиная с IX слоя), орнаментированная штампом керамика, шлифованные орудия
Первое появление кера- мики, отсутствие искус- ства шлифовать камень	Стадия датских ку- хонных куч	Х слой Улан-Хада	Появление керамики со следами плетения, отсут- ствие шлифованных орудий
Отсутствие керамики и шлифованных орудий, орудия оббитые	Стадия Маглемозе	XI слой Улан-Хада, нижний слой Царь- Девыцы	Отсутствие керамики и шлифованных орудий, орудия оббитые
Гжницкая стадия, лесная фауна	Азильская эпоха	Не найдено	—
Бюльская стадия, арктическая фауна	Поздний Магден	Верхоленская гора (Ангара)	Носорог, гигантский олень, пер- вобытный бизон, джигетай, ло- шадь, волк, лось, благ. олень
	Ранний Магден	Афючтова гора (Енисей)	Мамонт, северный олень, рос- сомаха, песец, лисица, волк, лошадь, антилопа, сайга

Наша геологическая современность

Четвертная
эпоха

Если мы сравним сибирские неолит и палеолит, то мы убедимся, что данные для утверждения, что переход от одного к другому мог совершиться в пределах Сибири и без влияний и заимствований извне, имеются в достаточном количестве. В настоящее время мы располагаем для Сибири только двумя хорошо исследованными стоянками—«Афонтова Гора» у Красноярска на Енисее, раскопанная Г. П. Сосновским и Н. К. Ауэрбахом и «Верхоленская Гора» у Иркутска на Ангаре, раскопанная мною. Обе культуры имеют много общих черт, но в то же время и некоторые различия. Обе стоянки я отношу к Мадлену, но «Афонтову Гору» к ранней его стадии, а «Верхоленскую Гору»—к поздней. В этом меня убеждает не только сравнение культурных находок той и другой стоянки, но и их фауна. На Енисее мы имеем типичную арктическую фауну, столь характерную для возвратившегося холода бюльской геологической стадии—*Elephas primigenius* (мамонт), *cervus tarandus* (сев. олень), *alorex lagopus* (песец), *gulo borealis* (росомаха), *lepus* (заяц), *canis lupus foss.* (волк), *canis vulpes* (лисица). Кроме того, присутствуют из представителей степи—*Bison priscus* (бизон), *equus caballus* (лошадь) и *antilope saiga* (сайга), а из представителей гор—*ovis ammon* (дикий баран). Отсутствуют характерные степные животные—джигетай, гигантский олень, носорог, а также лесные представители—марал и лось.

Вторая половина Мадлена, как известно, соответствует приближению к Гжницкой геологической стадии с ее лесной фауной. Этот процесс был связан с постепенным исчезновением арктических животных и с существенными изменениями климата в сторону заметного потепления. И действительно, мы с берегов Ангары имеем ряд животных, определенных проф. А. А. Бялыницким - Бируля по костям, собранным мною в кухонных отбросах древних насельников Ангары, соответствующих указанному изменению физико-географических условий. Список животных следующий: *Rhinoceros antiquitatis* (сибирский носорог), *Cervus megaceros* (гигантский олень), *Equus hemionus* (джигетай, полуосел), *Equus caballus* (лошадь), *Bison priscus* (первобытный зубр)—все типичные степняки. Кроме того, оттуда же мы имеем: *Alce alces* (лося) и *Cervus elaphus* (благородного оленя), как представителей леса и *Ovis ammon* (алтайского дикого барана), выходца из гор. Наконец в достаточном количестве имеются кости волка (*Canis lupus*). Что касается северного оленя, то он оказался представленным одной фалангой и куском рога. «Судя по количеству остатков северный олень не был обыденным предметом промысла ангарских охотников»,—пишет А. А. Бялыницкий-Бируля. Анализируя состав фауны, А. А. Бялыницкий - Бируля приходит к заключению, что ландшафт, современный ангарскому палеолитику, был степной («Лося и благ. оленя ангарские охотники могли добывать из

ближайших горных лесов»¹⁾). Характерно полное отсутствие арктических животных, подтверждающее отнесение ангарского палеолита ко второй стадии Мадлена, т. е. ко времени, близкому к началу неолита.

Что касается индустрии, то и здесь мы имеем длинный список переходных форм, связывающих ангарский палеолит с ангарским же неолитом. Отмечу—костяные кинжалы-вкладыши, скребки-нуклеусы, кремневые изогнутые шилья, скребки с длинной ручкой, мелкие скребки языковидной и дисковидной формы и некоторые другие предметы.

Т. обр., несмотря на немногочисленность сибирских находок четвертичного человека между палеолитом и неолитом Сибири уже устанавливается связь; надо надеяться, что дальнейшие исследования дадут еще больше деталей в этом направлении и окончательно подтвердят мое исходное положение, что человечество в Сибири и Западной Европе проделало те же культурные этапы.

Сосновский Г. П. и Ауэрбах Н. К. — Остатки древнейшей культуры человека в Сибири. Жизнь Сибири, № 5—6, 1925 г., стр. 119—223.

Петри Б. Э.—Сибирский палеолит. Труды Госуд. Иркутского Университета, т. V, 1923 г.

Проф. Б. Петри.

Кабинет Археологии и Этнографии
Иркутский Государств. Университет.

¹⁾ Приводимые выдержки взяты из писем А. А. Бялыницкого-Бируля ко мне. В ближайшее время А. А. обещает опубликовать свои ценные определения в особой работе.